

К взлёту не готов

Сора Судзуки

- Эй! Ты же Судзуки, верно? Я тебя знаю.

- А? Прости, что...

- Летом ездил к тётке в Хамамацу, там местная школа вам проиграла. Я был на стадионе. Преклоняюсь, чемпион!

- Не дуркуй. Как тебя?..

- Сумида. Я серьёзно. Блокируешь реально на мировом уровне. Слушай, может... прогуляемся какнибудь, ну там, караоке, или просто в кафе, познакомимся получше? А что, разница-то всего ничего!

- Моё сердце занято волейболом и сестрой, и старая я уже. Нечего было рождаться так поздно, сам виноват. Расскажи лучше, как там Сан. Ты же с ней учишься?

- Поезд ушёл, да? Так и знал. А Сан клёвая, она в классе прямо за спиной у меня, а по списку - спереди. Поболтали немного, про тебя рассказывала. Девчонки выпрашивали название краски для волос, а она их обломала, мол, натуральный цвет. Ты бы видела их рожи. Если что, я не из этих, не подумай. Сестра старшая в Канаду к парню укатила: ей всего двадцатник стукнул, а уже себя старухой считает, прям как ты, Судзуки. Предки поначалу бухтели немного, а мне как-то всё равно.

- Вот как... спасибо, Сумида-кун.

- За что? Вот организуют они племяшку - ему ведь не выбрать, кем будут его родители. Так что предрассудки эти все дурь полная, как по мне. Да и наши вроде ничего, класс нормальный собрался. Сан дежурить сегодня поставили, ты за ней же? Подожди немного, скоро спустится, а мне топать пора. Увидимся, чемпион!

- Взросло рассуждаешь. Может, и прогуляемся. Но не выдумывай себе лишнего там!

В ночь перед очередной сменой в ресторане второй по старшинству Судзуки приснились несколько кадров из прошлого, чуть подёрнутых облаками, успевшими пронестись над головой за прошедшие годы. Сора во втором классе старшей школы; Хидна только-только в среднюю перешла, и хафу, уже по привычке слиняв с занятий, приехала на другой конец города встречать сестру, совсем как маленькую. То ли первое апреля, первый день, то ли парой позже...

К чему это? Почему не обычный бессвязный сон, но цельная картинка?

Являться ночью - лишнее. Девушка и без того бережно хранит эти кадры в памяти, как и многие другие: ведь они напоминают о том, что Судзуки Сан не плод воображения, не книжный или киношный персонаж, который с тобой лишь до титров в конце плёнки или последней страницы, пока не упрёшься в переплёт. Она по-настоящему жила, и жила бы дальше, но... хрупкая эта штука, жизнь. Сора пообещала себе не сыпаться больше дырявым мешком с цементной смесью, простреленным целой обоймой пуль, выпущенных из любимого пистолета. Хотя бы ради Ичи. Идут дни, недели, месяцы - и в какой-то момент ловишь себя на том, что

можешь без мерзкого, тянущего ощущения под рёбрами произнести суффикс "-сан", а каждое утро, когда собираешься на работу и сообщаемь об уходе сестре, преданно глядящей с фотографии, на глаза уже не наворачиваются слёзы. Наверное, это и называется - "отпустить". Неизменны только следы на теле, оставшиеся после автоаварии. Что бы ни менялось внутри, физически прежней уже не стать.

В опекаемом полукровкой зале на первом этаже выдался сложный день, перенасыщенный как гостями количественно, так и придирами с их стороны, преимущественно от иностранцев: ближе к окончанию смены Сора уже могла с уверенностью сказать, что никогда ещё так не выгорала эмоционально и за неделю работы. И всё бы ничего, дома ждёт реставрация руками мастера, которому выпал день отдыха от мясных топоригов и прочих острых железок - для Судзуки они не более, чем пыточные инструменты для собственных пальцев, - но, как назло, именно сегодня вишенкой на торте случилось то, чего девушка с первого дня после трудоустройства удавалось избегать. Причём ладно бы чёртово колено подвело, нет, к нему-то давно привыкла... За час с небольшим до конца рабочего дня просто, до смешного просто оступилась, отходя от столика с полным подносом посуды. Не травмированной ногой - здоровой, банальная случайность или следствие усталости. Тарелки полетели на пол: хорошо ещё что пустые, а рядом никого из гостей в поздний час уже не оказалось. К ухватившейся свободной рукой за край стола официантке немедленно, точно вырастая из-под земли, подкатила вездесущая Мако и шёпотом, с злыми нотками в голосе, отправила нерадивую коллегу приводить себя в порядок, а после заглянуть в кабинет начальника.

Лучше бы приказала собирать осколки. Сэтоши, которого Сора после грустноватого застолья с Ичиро и братьями Мотидзуки боится значительно меньше, чем сеньора Фернандез, наверняка уже на месте не застать. Перед ним краснеть почему-то не так стыдно. Чуть не плача, девушка направилась прямоиком на расстрел в знакомый кабинет: что тянуть, если злосчастная коленка никак не пострадала, а симулировать хафу совесть не позволит, как и увиливать. Тук-тук. *Вот, Фернандез-сама, вам под вечер сюрпризец.*

- Сеньор... можно? Вычтите четыре тарелки, одну глубокую и два бокала из зарплаты, - вероятнее всего, Мако явится с минуты на минуту, чтобы отчитаться. Лучше уж самой, будь что будет. - И последний час смены тоже.

Моррис Фернандез

Это был обычный, ничем не выдающийся день. Сначала всё было спокойно и тихо, а ближе к обеденному перерыву оказалось, что зал переполнен, почти всё Токио пришло в его ресторан, столиков не хватало, посетители были недовольными. Моррис переживал, что в этом апокалипсисе придёт инспектор Мишлена, не найдёт свободный столик, уйдёт, и ресторан никогда не получит звёздочку.

А может, не нужна ему эта звезда? Одна есть, он взял ее с собой, это его личная звезда. Ресторан в Мадриде все так же знаменит, в него ходят испанцы, туристы, гиды, и он до сих пор пользуется бешеной популярностью. Потому что там работают профессионалы.

Моррис посмотрел по камерам на обстановку. У Наоки, нового официанта, дела обстояли хорошо, он быстро справлялся со своими обязанностями. На кухне не было камер, но сеньор Фернандез знал, что там тоже все хорошо. У Сакаи-куна сегодня был выходной, Юлиана ушла в тень, он решил ее пока не беспокоить. Все было хорошо. Только очень много людей. С чем это было связано Моррис не мог предположить, но это все-таки было хорошо. Деньги зарабатывались, сотрудники получали щедрое жалование и честно выполняли свою работу. Он был счастлив. Все шло как нельзя лучше. Все, кроме здоровья. Самочувствие несколько дней было плохим, кружилась голова и шалило сердце. А еще была жуткая усталость. К вечеру хотелось кого-то убивать, и пару раз он ссорился с Жюли или Юкой.

Выпив немного виски, к которому он притрагивался последнее время чаще обычного, мужчина откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Приятное тепло разливалось по телу, оно успокаивало.

Раздался стук в дверь, а потом она открылась, и в помещение вошла Сора. Моррис вздохнул и помассировал виски пальцами рук.

- Рассказывайте, - сказал он.

Сора Судзуки

- Извините, Фернандез-сама... - тихо, но не позволяя себе мямлить, произнесла Сора. Зайдя в помещение, на эмоциях она даже забыла поздороваться, поклониться как должно и высказалась громче допустимого - а теперь спешит исправиться, робко глядя на начальника через весь кабинет и не решаясь приблизиться. Поза пожилого мексиканца с поднятыми к вискам руками намекает на напряжённость, будь то физическую или же эмоциональную - а тут ещё подчинённая-бестолочь, оказавшаяся вдобавок косорукой, подкидывает бардака. Стоящий на столе босса стакан довершает картину последним штрихом: у Морриса и без неё явно хватает проблем с утряской дел целого ресторана, а ведь на одном только бизнесе жизнь мужчины не заканчивается.

И даже к Ичи не подойдёшь коротко выговориться, и тот, как всегда бывает, подбодрит правильно подобранными словами, возвращая своей непутёвой подруге боевой настрой. Полководца горячительного фронта, даром что Сакаи всего лишь в чине капрала, и его верную подносицу стеклянно-алюминиевых снарядов сейчас разделяет десяток станций метро, Судзуки осталась в глубоком тылу, на гражданской работе - но даже если бы смена совпала и он был на кухне, Сора ни в коем случае не стала дёргать парня по таким мелочам. Задачи повара куда более трудны и ответственны, а при таком наплыве гостей, как сегодня, ему вряд ли бы удавалось присесть хоть на минутку; официантке же нет-нет но достаются маленькие окошки, когда можно прислониться к стойке, дать отдых колену и выпить глоток чего-нибудь освежающего. Естественно, без единой капли спиртного - на работе табу.

- Я целый поднос посуды разбила. Пять тарелок, одна из них глубокая, и два винных бокала. Просто не удержала, - повторила девушка и уставилась в пол. - Запишите мне в штрафные баллы, сеньор, и... снимите меня с зала, пожалуйста, если можно. Со списанием оплаты за смену, не смогу доработать. Там Накано и... новенький

молодой человек справляются, гостей уже намного меньше, чем было днём.

Моррис Фернандез

Пока девушка приносила свои извинения, что вторглась в его кабинет без стука, Моррис налил себе ещё немного виски. Потом подумал немного и плеснул побольше. Закупорил бутылку, убрал её в стол и, откинувшись на спинку кресла, стал разглядывать огненно-красную жидкость с приятным вкусом. Последнее время Жюли замечала, что он стал пить всё больше, и Моррис обижался на неё. Пока он может здраво мыслить то не будет ничего менять и отказываться от алкоголя. Тем более, в его семье не было алкоголиков, в отличие от семьи жены. Он поморщился.

Девушка стала говорить, что натворила, и мужчина вздохнул.

- Вы признались, это хорошо. Вы не сможете доработать смену из-за проблем с ногой? Или... - Он пошевелил мышкой, включился экран монитора. Открыл программу и посмотрел график работы этой сотрудницы. Выходило, что она работала почти неделю без выходных. Ох, надо звать Маркуса. Интересно, они подружатся?

Моррис мотнул головой - что за бред. Тем более, как он знал, женщина Рикардо пока не вышла из комы, и Маркус помогает отцу и младшему брату. Рикардо пока держится, но видно, что ему очень тяжело.

- Я вижу, что у вас было несколько рабочих дней без выходных, - договорил он.

Сора Судзуки

- Я обязана была это сделать. Нет, с коленом никаких трудностей нет, сеньор, я приспособилась, всё в норме. Просто...

Действительно, проклятый сустав никогда не становился причиной стеклянно-керамических аварий разной степени опасности как для окружающих, так и для самой официантки в физическом и финансовом плане: в какой-то момент Сора, что называется, почувствовав силу, даже стала использовать свой недостаток, приукрашивая его влияние на походку и создавая тем самым небольшие театральные сценки с целью развлечения гостей в зале. Естественно, не всех: хафу хватило мозгов понять, что паясничанье может портить репутацию заведения в глазах отдельных категорий посетителей, выводы были сделаны и фокусы с устойчивыми бокалами-бутылками исполнялись большей частью для молодёжи или компаний мужчин, выпивающих после трудового дня в приподнятом настроении. Но сегодня непреодолимыми препятствиями стали бесхозный столик и посуда, которую следовало просто отнести в мойку. словно где-то внутри иссяк заряд в батарееке или внезапно перегорели все свечи зажигания - ведь топливо закончиться не могло, "бак" исправно пополняется практически ежедневно.

Так всаднику апокалипсиса высшие силы и позволили слезть с коня, ага. Забыла, что не далее чем позавчера именно над твоей головой перемкнуло лампу в уборной? Сора-чан вроде бы и ни при чём, несчастный случай, но ты-то знаешь. Как знаешь и то, что несёшь хаос в мир вне зависимости от количества выпитого.

Девушка уже открыла рот, чтобы ещё раз извиниться и объяснить, что выдавшийся на неделю график без выходных её тоже не беспокоит, просто сегодня немного устала морально и готова отказаться от суточной оплаты за сократившуюся смену, но тут за спиной раздался стук в дверь. В кабинет, не забыв склониться на входе, проникла недовольная Мако, явно намеренно отпихнула в сторону Сору в лучших традициях Юми, и вышла вперёд.

- Простите за беспокойство, сеньор. Она вам уже рассказала? В зале я прибралась, - поначалу слова администратора не предвещали надвигающейся беды, вызвав лишь новую волну чувства стыда уже перед старшей по залу, но уже через секунду полукровка невольно вжала голову в плечи, бледнея прямо на глазах. - Фернандез-сама, у меня есть основания предполагать, что Судзуки уже не первый раз является на работу в нетрезвом виде! Или незаметно выпивает здесь, в ресторане. С вашего позволения, я приму меры.

Моррис Фернандез

Моррис посмотрел на зажатый в руке стакан с напитком и сделал небольшой глоток. Прикрыл глаза и с наслаждением почувствовал, как по телу разливается приятное тепло. Он услышал, как Сора начала оправдываться, но это не было оправданием, просто она действительно сожалела о том, что произошло, и думал, что ее нужно отпустить домой и скорректировать расписание. Или позвать Маркуса.

Мужчина только захотел допить виски, а потом обсудить с девушкой график ее работы на ближайшую неделю, но тут в дверь постучались, и в кабинет влетела Мако. Его верная администратор. Опора и поддержка в начале, но последнее время зазвездившаяся девчонка. Она грубо толкнула бледную Сору и стала говорить про нее какие-то дикости. Моррис увидел, как побледнела Судзуки, и быстро допил виски, подавив в себе тяжёлый вздох.

- И что ты сделаешь? - Холодно спросил он у Мако. - Какие ты меры примешь?! Уволишь ее?!

- Нет, но...

- Что "но"?! - Моррис с грохотом опустил стакан на стол и встал с кресла. Подошел к ней. - Единственный, кто должен быть уволен - это ты!

- Ф-Фернандез-сама...

- Я просил обращаться ко мне сеньор Фернандез! - вскричал мужчина. Алкоголь начал действовать жюли говорила, что он начинает срываться и даже пару раз ее чуть не ударил, о чем вообще ничего не помнил. - Уж не думаешь ли ты, что я слепой?! Ты думаешь, что я не вижу, как ты иногда обнимаешься в коридоре с сотрудником соседнего ресторана?! Ты думаешь, я не в курсе, что ты смеешься над физическими увечьями сотрудников?! Да ты...

Моррис поймал себя на мысли, что начинает терять контроль над собой. Обычно, по рассказам Жюли, он не помнил, что с ним было. Он сжал руку в кулак.

Мако была бледной и готова была заплакать. Мужчина злобно ухмыльнулся.

- Убирайся! - Крикнул он.

Мако скрылась за дверью, а мужчина поморщился и подошел к окну. Тяжело вздохнул и закрыл глаза, оперевшись руками о подоконник.

Сора Судзуки

Что... что происходит?..

К не самому, так сказать, приятному по отношению к ней поведению вторая по старшинству Судзуки давным-давно привыкла: старания сестрички не пропали втуне. Находясь рядом со младшенькой, та ещё лет с одиннадцати ведёт себя исключительно подобным образом и за языком ничуть не следит, а уж бортануть - милое дело, несмотря на разницу в габаритах и весовых категориях, которая с годами только увеличивалась. Решающее значение здесь имеет не физика, но сила несколько иного порядка - нематериальная, пальцами не потрогаешь. Просто стоя рядом с Юми, её почти кожей чувствуешь; если же сестра разозлена по-настоящему, каким-то седьмым чувством улавливаешь давление, несущее угрозу, даже когда она молчит и на тебя вообще не смотрит. А Сора только и умеет, что голову опускать да глаза отводить. Бессмысленно и пробовать пререкаться, проигравший известен заранее.

Тут другое. Девушка-администратор - не Юми, хотя во многом похожа; на толчок плечом полукровка не обиделась, тем более что и впрямь была сейчас виновата и перед нею, и перед Моррисом, пусть мужчину явно больше интересуется стакан виски в его руке, нежели побитая нерадивой официанткой посуда. Но...

Как Мако могла такое подумать? Как она вообще узнала про...

Если так посудить, основания есть. В коллективе уже давненько гуляли околоневероятные слухи: мол, скромняшка Сора-чан способна одолеть в дуэли на бутылках и массивного борца сумо, и самого стереотипного ирландца. Ичи только посмеивался, хафу невинно улыбалась и уклончиво отнекивалась - наверняка кто-то из персонала случайно услышал обрывки личных разговоров "тануки" и его подруги, раздув в итоге из мухи слона. Ну и ничего, никто ведь не пытается задевать - так, дежурная подначка, непременно сопровождаемая улыбкой. Спустя пару недель, однако, Судзуки подтвердила на практике, что сплетни-таки не беспочвенны: во время спонтанной посиделки в идзакае с коллегами кто-то вновь поднял тему, и девушка на спор легко одержала верх над Накано и одним из поваров помоложе, вместе взятыми. Официант быстро смекнул отсутствие перспектив в сражении и вышел из боя, но младший повар упорствовал до последнего, и после эксперимента "последователям святой хабу" пришлось конвоировать бедного парня домой под руки.

Ни босса, ни Сэтоши в тот день с молодёжью не было, администратор тоже отказалась развеяться, сославшись на домашние дела и нелюбовь к выпивке. Но и там Сакаи с Сорой словом единым не обмолвились, каким образом частенько развлекаются дома. Во время смен полукровка, естественно, и мысли не допускала опрокинуть между делом стакан.

Почему тогда? За что?

- Ферн... - громкий удар доньшка стакана по столешнице вернул Судзуки в реальность. В следующий миг босс вскочил из-за стола; официантка осеклась и под восклицания Морриса, адресованные работнице зала, в свою очередь попавшей под град обвинений, мелким приставным шажком отступила к стене, стараясь казаться маленькой и незначительной: за "Фернандез-сама" и ей сейчас достанется заодно, поскольку тоже так назвала мужчину минуту назад. Когда Мако покинула кабинет, Сора уже прятала лицо в ладонях и еле стояла, подавляя желание убежать вслед за нею.

- Зачем вы... так с ней, сеньор? Я не замечала Мако-сэмпай ни с кем чужим, слова дурного от неё не слышала и... - по крепким, но в то же время не лишённым изящества точёным запястьям девушки сбежали вниз две маленькие слезинки, быстро исчезая за манжетами. - Я правда никогда не пила на работе, сеньор...

Моррис Фернандез

Холод окна немного охладил разгорячённый лоб мужчины, и он тяжело вздохнул. Где-то далеко пульсировала мысль, что он повёл себя ужасно, но она была очень быстро уничтожена. Он давно следил за Мако, которая со временем стала считать себя начальницей. Она устраивала разносы официантам, и пару раз Моррис видел, как она унижает Маркуса. У него была особенность, он плохо говорит и заикается, и мужчина никак не реагировал. Он видел, что племяннику нужна помощь, но Маркус старался исправиться. После этих проблем он был другим. Совсем другим, от него не осталось его противной наглости, заносчивости. Его мозг был полотном, пустым, и он постигал жизнь заново. И Моррис старался не влезать в это.

Постояв несколько минут в тишине, Моррис успокоился и отошел от окна. Повернулся и посмотрел на девушку, которая... плакала? Почему-то в один момент перед глазами возник силуэт Яреци, которая несколько лет назад так же плакала. Яри... его милая Яри, любимая дочка. Как же он хочет ее увидеть. Хоть раз увидеть, обнять. Заглянуть в ее голубые глаза.

Это невозможно, и оттого это так тяготит. Но так хочется избавиться от всего этого, уничтожить все, и встретиться с Яри. И с любимой Лауриттой.

Тихие шептания девушки заставили его вздрогнуть, и в какой-то момент снова вернулась ярость. Он дошел до своего стола, достал бутылку, налил виски в стакан и залпом выпил. Да, он гробит себя, но так тоска по Яреци не так давит.

- Защищаете ее, да?! - Вскричал мужчина, снова опуская стакан на стол, но промахнулся, и стакан упал и разбился, а мужчина чуть не потерял равновесие, - Так проваливайте за ней следом! Убирайтесь! Вы думаете, я не знаю, что вы говорите про меня?! И про всех остальных, кто работал здесь?! Ничего, я скоро сдохну, и вам всем станпт легче! Убирайтесь!

Моррис взял бутылку и начал пить из горла. Боль была очень сильная. Нет, жалость ему не нужна. Никакая жалость не вернет ему дочь.

Сора Судзуки

Через плотно сомкнутые пальцы ничего не видно: слышны только тяжёлые шаги Фернандез-сама по кабинету и чувствуется бег слезинок, спускающихся вниз под ладонями, щекоча щёки. Сора совершенно искренна и верна своим словам, будучи трезвой как стёклышко; напуганная бурной реакцией босса и очень сильно расстроенная полукровка - ведь Мако, по сути, по её вине попала под горячую руку пребывающего не в лучшем расположении духа Морриса, - уже твёрдо осознаёт: вернувшись домой, просто отдыхать или в статусе безработной, она вне зависимости от реакции Ичи напьётся до полусмерти. Сильнее, чем после смены, когда владелицу бейджика с подписью "Сора-чан" выбила из колеи рыжая женщина по фамилии Эрнандес, ко всему прочему оказавшаяся не кем-нибудь, а женой ещё одного начальника ступенью младше - Мотидзуки Сэтоши.

Или как с неделю назад было... Уставший на работе Ичиро в тот день лёг спать рано, и хафу топила горечь на дне стакана в одиночестве, точно как до знакомства, перевернувшего её жизнь с головы обратно на ноги. Какая-то корейка, обращаясь на безупречном английском, цеплялась к каждому слову, как на уроке в школе! Сора крайне редко отзывается о людях в негативном ключе. Но эта швабра явно получала удовольствие, глядя на мучения официантки, которую, затребовав самые дорогие блюда в ресторане с бокалом элитного вина и бравирюя толстым кошельком, заставила отчитываться за принесённую бутылку и на память отвечать на вопросы о географическом местонахождении виноградника и дате розлива. Неизвестно, дала ли гостя какую-либо оценку обслуживанию, но... оставила полукровке чаевые! В долларах! Много! А Судзуки в тот момент как раз обслуживала другой столик и проморгала её уход.

Слишком жестокая насмешка. Сгорая от стыда, ведь Фернандез-сама очень достойно оплачивает труд официантов (и близко не оклад Юми в отцовской компании, но и должность совсем не того уровня; условия для работников зала в финансовом плане здесь прекрасные, Сакаи наглядно сравнивал на экране смартфона со списком вакансий в интернете, дабы придать подруге уверенности), Сора улучила момент и самостоятельно, без участия бармена, пробила несколько заказов с намеренными ошибками в расчёте согласно номиналу оставленных нахальной гостьей американских бумажек, курс которых относительно иены был наспех наугуглен на телефоне. Недостача была восполнена, естественно, из своего кармана: с ресторана не убыло, нескольким гостям досталась "скидка", а доллары теперь валяются где-то дома.

Как оказалось, все переживания были ещё цветочками - волчьи ягодки ждали впереди. Снова грузные шаги, короткий дзыньк горлышка бутылки о край стакана - а следом крик Морриса и звон разбитого стекла, заставившие Судзуки непроизвольно отнять судорожным движением руки от лица. Страшные слова, слетевшие с уст нетрезвого мужчины, для впечатлительной девушки были сродни концу света.

Ноги, однако, не спешили проваливаться, даром что пару минут назад рвались вон из кабинета следом за Мако. Вместо этого хафу порывисто сложилась на колени, склонилась, опираясь ладонями в пол, и с такой силой опустила лоб между ними, что наверняка бы рассекла кожу в кровь. Но оберегающая Сору сила Вишуддхи смягчила удар - та самая, что по бессознательному желанию хозяйки оставила её, когда машина кувыркалась на склоне, и окружила младшую сестру, которая только благодаря плотным вихрям воздуха избежала серьёзных травм. Злополучный сустав

отозвался угрожающим щелчком, ясно намекая, что терпеть такого обращения не намерен. В горле сильно запершило; горе-официантка закашлялась, но всё-таки нашла в себе силы подать голос, всхлипывая и не поднимая головы.

- Извините! Я, я никогда... мы никогда... все сотрудники вас очень ценят, это правда. И вы бы так не говорили, я точно уверена, вы говорите это только потому, что... из-за гибели вашей дочери, сеньор. Я случайно об этом узнала. Но как бы она сейчас переживала, видя вас таким? Нельзя опускать руки, нельзя себя хоронить. Младшая сестра два года назад погибла... они всегда рядом с нами, они так же бы сказали...

Моррис Фернандес

Через какое-то время он поперхнулся и закашлялся. Горло обожгло, глаза защипало, выступили слёзы. Это никуда не годилось, но в данный момент было плевать. Он хотел, чтобы его оставили в покое. Зачем говорить о чём-то? Её никто никогда не вернёт, Лаура тоже никогда не вернётся. Их нет. Прах дочки развеян несколько недель назад по ветру, Лауритта покоится где-то в Мадриде. Он так и не был у нее.

Краем глаза Моррис увидел какое-то движение и резко повернул голову. Заболела шея, заставив его вздрогнуть и поморщиться. Выпив ещё немного алкоголя, он посмотрел на девушку, которая сидела на коленях. Мерзкий и непонятный обычай. Сейчас это было мерзко. Потому что Сора Судзуки сейчас ему напомнила Яреци. Яри тоже была маленькой, худенькой, также плакала, и также сидела на коленях, уткнувшись в пол, когда он на неё ругался после тех проблем с сектой. Яри была мексиканкой, она не должна была принимать все эти законы этой страны. Она должна была оставаться собой. Он, Моррис, не должен был позволять ей уезжать за Тору в этот монастырь. Кто знает, может быть, тогда их жизнь сложилась бы иначе. И сейчас были бы живы те, кто ему дорог. Те, кому он был дорог. Вдруг одно неправильное его решение изменило нить судьбы, и теперь ему пришлось сполна отвечать за эту глупость, которую он совершил восемь лет назад.

Сора что-то говорила, но он не особо вслушивался в ее слова, хоть и не особо понимал эти значения, что она говорит. Боль была слишком сильной, она заглушала весь здравый смысл.

- Встань, - рявкнул он, сам подсознательно испугавшись своего голоса, и ударил кулаком по столу. - Встань. Не надо... Я... мне... Им плевать на нас. Их нет больше. Ни вашей сестры, ни моих Лауритты и Яри. Их никогда не будет больше, и они не могут знать, что с нами происходит. Мёртвые ни на что повлиять не могут, но живые... Как справиться с этим? Как, скажите? Как уничтожить эту боль? Она разрывает душу, она уничтожает...

Моррис не смог подавить всхлип. Обессиленно опустил в кресло, но промахнулся, оно подвинулось, и Моррис не удержался на пьяных ногах и упал. Из глаз от унижения и боли полились слёзы, и он закрыл лицо ладонью. Было стыдно...

Сора Судзуки

Неподчинение и самоуничижительные, максимально глубокие поклоны физиономией в пол - это не совсем про Сору, при всём своём своенравии довольно покладистую и практически всегда старавшуюся избегать национальных

формальностей, в многообразии которых сломишь ногу, даже правую, и которых, по мнению хафу, чрезмерно много. Пережитая семейная трагедия, окончательно разбившая в осколки и без того трещавшие по швам отношения со старшей сестрой, превратившая вторую по старшинству дочь семьи Судзуки в изгоя (так, по крайней мере, кажется ей самой) и сильно надломившая девушку, потерявшую здоровье и самого близкого человека, на поведение в этих аспектах не повлияла. Здесь другое, работа есть работа: Ичиро поверил в подругу, а сеньор Фернандез принял её по рекомендации парня, хотя мог бы и отбраковать за хромоту, Сора его бы не осудила. Как сейчас не осуждает обычно приятного и обходительного пожилого мексиканца за крики и грубые слова, пусть и очень боится.

Но есть ещё одна причина, почему полукровка проигнорировала прямой приказ исчезнуть: природная сострадательность, оказавшаяся сильнее не только испуга, но даже чувства вины. Может быть, у Мако больше общего с Юми, чем кажется на первый взгляд, и она тоже нуждается в помощи и поддержке, как сестра в юности - просто Сора не только близорука, но также слепа душой и не замечает? Даже самые железные с виду люди имеют право на слабости, у них тоже могут сдавать нервы. И ведь по своей инициативе девушка-администратор позволила хромой подчинённой частично опускать нормы вежливости и щадить ногу, та не просила. За скорость обработки заказов, ведь здоровая сотрудница могла бы быстрее, тоже не хаяла, и недавние "финансовые махинации" с долларами заметила - по крайней мере, демонстративно сверяла список заказов сразу после этого, - но ничего не сказала. Где же тут зло? И Фернандез-сама напивается и срывается не просто так. Сора понимает его, как никто другой.

От громкого окрика захотелось сжаться в ещё более компактный комочек, а сбивчивые фразы мужчины только усилили ощущение плотного комка в горле - уже не связанного с активной Вишуддхой, но вызванного сопереживанием Моррису, так и не нашедшего сил отпустить некую Лауритту с дочерью и оттого очень страдающему. Голос мужчины стих, но через мгновение тишину в кабинете нарушил всхлип, сменившийся грохотом. Девушка робко приподняла голову; силуэт начальника исчез из кадра, зато прямо перед глазами на полу обнаружился осколок разбитого стакана из-под виски.

Совсем как осколок благополучия твоей семьи, да? Юми ты так ничем и не помогла, Сора-чан, хотя знала, что с ней что-то неладно. Снова смолчишь, спрячешься, или наконец сделаешь хоть что-нибудь?

Пинок внутреннего голоса придавал решительности. Преклониться в поклоне сайкэйрэй куда проще, чем встать после него на ноги, чисто физически, из-за чёртовых связок коленного сустава. Стараясь не коснуться ладонями и коленями стеклянного крошева, разлетевшегося по полу, Судзуки добралась до стола на четвереньках, обогнула его со стороны откатившегося кресла и, невольно поджав губы от увиденного, расфокусировала взгляд заплаканных глаз: наблюдение за состоянием здоровья Ичиро давно вошло у неё в привычку. Однако аура молодого японца, напоминающая стройные кружева, сотканые рукой восточной мастерицы, не идёт ни в какое сравнение с мазнёй душевнобольного художника - взору впечатлительной целительницы палитра энергий упавшего мужчины представляется именно такой. Рискую спровоцировать новый виток агрессии

Морриса неожиданными инициативами, хафу уселась рядом с ним, протянула руки и, мягко-мягко коснувшись пальцами тёмных волос повыше висков, негромко, почти шёпотом заговорила.

- Неправда, сеньор. Мы не видим, не слышим их, но... они живут внутри нас, смотрят на нас и беспокоятся, ведь ничего сделать не могут. Они живы, пока живы мы. Я очень любила сестрёнку... и просто спилась бы или с собой покончила, но Сакаи-кун за ноги вытащил. В одиночестве я бы пропала. Только благодаря ему поняла, что предаю сестру, предаю её память, я не имею права себя разрушать. Вы тоже не один, сеньор. Весь коллектив вас любит, очень вами дорожит и не смирится с тем, как вы мучаете себя. Сейчас станет немного легче, обещаю... и в кабинете потом подмету.

Моррис Фернандес

Негромкий голос девушки раздался совсем близко, и Моррис вздрогнул и отнял руку от лица. Перед глазами была пелена слёз, и поэтому фигура девушки была размытой и расплывчатой. Девушка прислонилась пальцами к его виску, и он рукой убрал ее руку. Яреци как-то делала точно так же. Вроде тогда у Лауритты случился приступ, он сидел на берегу моря, а Яри, его добрая и любимая Яри, осторожно подошла к нему, села на колени перед ним и почти дотронулась до его головы. Тогда у него болела голова. И после этого стало легче.

Моррис болезненно поморщился и мотнул головой, скривившись от резкой боли в шее, и сжав челюсти, чтобы не застонать.

- С-сора-чан, - проговорил он, помассировав шею и обнаружив, что голова стала как-то лучше. Соображать начала. Неправильно это. - Сора-чан, я... мне... Простите меня за это. Но, пожалуйста, не надо. Не надо меня лечить. Я знаю, что вы пытались сделать. Моя Яри... - он болезненно поморщился, - она умела это делать...

Моррис замолчал и протёр лицо рукой. Было всё еще больно и неприятно. И очень стыдно. Голова соображала ещё не очень хорошо, но такой эффект обычно наступает через несколько часов после употребления алкоголя. Сейчас прошло меньше, чем должно было пройти.

- Я всё равно думаю, что это всё наши предрассудки. Мы умираем и становимся просто пеплом или пищей для червяков. Нас больше нет. Вся эта душа, память... всё равно это не вернёт их. Их нельзя воскресить, клонировать. Нельзя вернуть время вспять. Я бы очень хотел побыть ещё немного с Лауриттой. Я помню, как накануне её... мы сидели на берегу моря и болтали. А утром я сделал яичницу, но ее уже не было... Я Яри... Моя малышка...

И снова всхлип. И снова понимание, где-то глубоко и далеко в сознании, что надо встать с пола и лечь на диван, отпустив Сору. Он поспит немного и придёт в норму. Ну или не придёт - это как там решат.

Нежно поцеловав тыльную сторону ладони девушки, Моррис попытался встать. У него получилось это с третьего раза, и он даже смог устоять на ногах, хотя и пошатнулся. Опираясь одной рукой о стол, он протянул девушке другую руку.

Сора Судзуки

Сколько прошло времени с того мига, когда длинные тонкие женские пальцы прикоснулись к голове упавшего на пол нетрезвого ресторатора, после чего под ними зародилось маленькое солнце, привычно вызвавшее резь в покрасневших от слёз глазах и заставившее зажмуриться - секунда, пять минут или несколько суток, - Сора не знала. В восприятии неопытной целительницы, истово желающей с помощью своего необъяснимого дара помочь измученному мужчине, пространство-время сжалось до границ ослепительного свечения, добирающегося до сетчатки даже сквозь плотно сжатые веки. Наверное, именно так зарождаются галактики и гибнут звёзды, на которые полукровка готова завроженно смотреть часами, задрав голову и утопая в бесконечности чернильного ночного неба: давние детские переживания не оставили вторую по старшинству Судзуки, повзрослевшую, но мало с тех пор изменившуюся, если быть честной перед самой собой. Быть может, умение снимать боль - подарок кого-то... оттуда, из далёких миров? Более сильного, способного на немыслимое. Более... человеческого?

Прижав подушечками пальцев пряди волос Морриса к его виску, полукровка дала своим силам свободу, держа в памяти образ ауры мужчины, на которую свет из-под ладони теперь не давал смотреть. Мутная и тусклая, словно вода, отравленная промышленными химикатами и застоявшаяся в бессточном пруду, она и близко не напоминала расцветкой оную у Ичиро, если "по-особенному" глянуть на него украдкой со спины. В районе шейных позвонков мексиканца угнездились ржаво-коричневое пятно, а по всему телу вверх, к голове, неровными нитями поднималось нечто, похожее на жидкую серую грязь, постепенно аккумулируясь внутри черепной коробки - а теперь вовсю тянулось сгущающимся потоком и к её пальцам, ускоряясь с каждым мгновением и будто надеясь просочиться прямо сквозь височную кость.

В какой-то момент время словно многократно ускорилось, разжимаясь пружиной - финал "сессии безумия" оказался подобен вспышке сверхновой. Девушка, чуть приоткрывшая глаза с целью переместить пальцы ближе к очагу "ржавчины" на шее, несколько отстранённо отметила, что оформленных нитей тёмной гадости на фоне общего чёрно-серого градиента ауры уже особо не видно - но это не знак недомогания, что-то другое... В следующую секунду произошло сразу несколько вещей. Руку насильно отвели в сторону, сияние под пальцами погасло; вместо него на едва заметный миг вспыхнул сложный рисунок разноцветных нитей, малой частью ещё пытающихся дотянуться до Морриса, но львиная их доля, завиваясь затейливыми спиралями во все стороны, впустую растворялась в воздухе. В пульсации потоков энергии - радуги, распущенной на отдельные полосы, - угадывался намёк, что сейчас произойдёт что-то не очень хорошее. А дальше девушка ясно смогла понять, что бы почувствовала, выстрелив-таки себе в лоб из любимого пистолета. Голова взорвалась жуткой болью, за несколько секунд сошедшей на нет и оставившей после себя ощущение полного опустошения. Из Соры точно выпустили весь воздух, трудно было пошевелить даже глазными яблоками. Очень скоро монотонная давящая боль вернётся, но пока хафу лишь ловит себя на дурацкой мысли: пуля, разрывающая в клочья содержимое черепа и оставляющая на затылке воронку, никак не должна превращать человека в разумное яйцо всмятку. Должно же быть раз - и всё...

- Про... стить? За что, сеньор? И я не умею лечить, я простая официант-ка... просто

аку-пун-ктурные точки знаю, вам должно было полегче стать... А Лаурит-та - кто это? Красивое имя, - язык Судзуки, накачавшейся ша-ци сильно пьяного человека и растратившей критическое количество собственной энергии, уже начал заплетаться, а силуэт Морриса расплывался, как если бы между ними установили лист полупрозрачного оргстекла.

- Кажется, яичница - это я... Ичиро-кун делает такие вкусные ом-ле-тики... - невпопад пробормотала Сора. Голос Фернандез-сама слышался как будто издалека и через подушки, плотно прижатые к ушам, а половина слов казалась случайным набором звуков. Прикосновение чужих губ обожгло кожу ладони раскалённой головнёй, но у полукровки не достало сил даже отдёргнуть руку, не то чтобы отстраниться. Сидящая на полу девушка только и смогла, как во сне, приподнять голову и уткнуться сумрачным взглядом в протянутую руку вставшего на ноги Морриса, изобразив на нездорово бледном лице жалкое подобие улыбки.

Моррис Фернандез

Кажется, Моррис слишком поздно понял, что его решили подлечить - кажется, это всё-таки было лечение, так как он с каждой секундой чувствовал себя лучше. Даже смог подняться на ноги и почти нормально удержать равновесие. Голова кружилась и побаливала, но хотя бы появлялись какие-то мысли, адекватные. Уже хорошо. А вот девушка, кажется, совершенно не умела избавляться от негативной энергии, как она называлась Моррис не знал, но Яреци как-то ему рассказывала. Хотя он не особо вслушивался в это.

Сора начала нести какую-то путанную околесицу, и мужчина вздохнул и покачал головой. Она задавала много вопросов, на которые Моррис должен был ответить - он не привык не отвечать на вопросы, к тому же последнее время ему совершенно не с кем было поговорить. О Лауритте, о маленькой Яреци. Тору Мотидзуки жил своей жизнью, и Моррис старался не напоминать ему о себе. Ему было приятно, что Тору иногда оставляет ему Кимико, но чаще внучка гостила у матери Тору. Моррис не был против, понимая, что Тору не обязан приводить ему Кимико и вообще общаться с ним. Ведь не будет же Тору уезжать из Японии в Мексику или Испанию ради благополучия своего тестя.

Почему он не отвёз Яреци и Кимико в Мексику, когда это было возможно?!

Настроение опять стало плохим, но он услышал, что Сора совсем расклеилась. Тяжело вздохнул и наклонился к ней. Взял ее подмышки, поднял на ноги и отвёл на диван, куда бережно усадил её. И плевать, что японцы не принимают таких действий, минимизируют прикосновений и делают себе харакири. Пусть сделает - ему-то что, а вот сидеть на полу неправильно.

- Не надо лезть к неадекватному человеку. Никогда и ни при каких обстоятельствах, - сказал он слегка пьяным голосом, стараясь сделать строгие нотки. Потом осторожно пальцем убрал прядь волос с лица девушки и протерев своё лицо рукой и поправив одежду, вышел из кабинета, чтобы через три минуты вернуться с двумя чашками крепкого и горячего чая с сахаром.

- Я не знаю, поможет тебе это, но хуже точно не станет. Это горячий чай с сахаром.

Я его начал пить во время работы в России. Лауритта работала в посольстве, а я был поваром на их кухне. Мы надолго задержались в России. Там родилась Яреци, там она окончила школу и захотела поступить в институт. Она всегда хорошо рисовала, выставлялась на разных выставках. - Моррис замолчал и грустно уставился на чашку чая. Отпил немного и обжёгся. - Скоро за вами придёт Сакаисан. Я выделяю вам дополнительные два выходных. И... спасибо...

Сора Судзуки

- *Что это было? Что. Это. Было?..* - заевшей пластинкой бессмысленно повторяет про себя Сора, думая - если вялые, туманные процессы, протекающие в ничего не соображающей голове, можно назвать этим, не слишком уместным, словом - что говорит это вслух; на самом же деле у девушки, сломанным манекеном сидящей на полу, в неудобной позе с раскинутыми в стороны и согнутыми в коленях ногами, даже не шевелятся застывшие в глуповатой улыбке губы.

Того, что произошло в кабинете управляющего рестораном, с полукровкой, до сих пор не толком не осознающей собственной силы и неспособной использовать её, как подобает, раньше не случалось. Однако, будь у неё возможность заставить мозг работать в нормальном режиме, трезво во всех смыслах - наверняка бы вспомнила случай, когда потеряла сознание, во весь рост растянувшись на полу у себя дома, на кухне. Тогда Сора едва не лишилась чувств от чрезмерно сильного всплеска боли в колене, ударившись о ручку кухонного шкафа. Организм подключил некие скрытые резервы и довершил начатое неуклюжестью хозяйки, показав неопытной врачевательнице, машинально коснувшейся своей ауры собственной целительной энергией, новую грань её таланта и открыв более глубокий взгляд на внутренние повреждения человеческого тела - отличающийся от обычного наблюдения за "движущимися раскрасками" на улице и в метро. На тот момент хафу попросту не выдержала такой нагрузки.

Более "пробки" не вышибало; смысл странноватого выражения матери в отношении одушевлённого существа, неоднократно слышанного в детстве, девушка поняла в тот день, приводимая в чувство Ёнгвоном под жёстким взглядом Юми. Видимо, дальнейшие "тренировки" с регулярно ноющей коленкой не прошли зря - или же приступы боли были недостаточно мучительны. Повторить страшноватый фокус и вновь заглянуть за мутную серую пелену, окружающую сустав, не выходило даже при полном сосредоточении... но даже в тот раз нереальных радужных нитей-лент, словно развевающихся от порывов направленного сразу во все стороны ветерка и заменивших "прожектор", обжигающий сетчатку, Сора не видела. Или, отключившись наподобие перегруженного задачами компьютера, просто не успела?

Удалось ли помочь Моррису хоть как-нибудь, виднее ему самому, но что-что, а накачаться дрянью на энергетическом уровне у второй по старшинству Судзуки получилось отменно. До сегодняшнего дня она обращалась к своей силе ради другого человека лишь единожды: желая избавить друга Сакаи, Мотидзуки Джуну, от последствий обильных возлияний в обмен на знакомый откат, давящий на виски.

Сакаи... Принято считать, что утрата зрения компенсируется слепцу обострением прочих чувств. Сора, сейчас отчётливо напоминающая киношного зомби и временно потерявшая способность мыслить адекватно, словно наяву ощущает и заново, многократно более ярко, переживает моменты, для восприятия которых не нужно задействовать разум. Запах футболки Ичиро, промокшей в луже пива; вкус

приготовленных им тамагояки на языке - а ещё прикосновения его губ к её губам и кончику носа, пальцев к обнажённому телу, отчего по рукам бегают мурашки и сводит макушку, сладкую негу внизу живота, волнующую и разогревающую стократ хлеще, чем добрый стакан коньяка. Хватка Фернандез-сама, поднявшего безвольно обмякшую подчинённую под мышки и переместившего её на диван, тоже чувствуется иначе и кажется каменной, а прядка волос, сдвинутая им в сторону, щекочет кожу так же сильно, как минуту назад ненавязчивый, почти отцовский поцелуй ожёг тыльную сторону ладони.

Долго изображать грезящего наяву безмозглого зомби с отключённым питанием внутри черепной коробки, что было одновременно приятно и немного пугало, к счастью или к сожалению, не пришлось. Нечёткий силуэт начальника что-то неразборчиво произнёс, исчез из сектора обзора, но пропадал недолго и вскоре вернулся, продолжив говорить на языке, совершенно непонятном находящейся в другом мире полукровке. Только услышав имя Сакаи, Сора будто очнулась: в голове начали всплывать сказанные Моррисом слова, точно проступая на бумаге под невидимым пером в обратном порядке - ушами услышанные, но до мозга сразу не добравшиеся. Совсем как младшая сестра, за тысячи километров от ресторана вспомнившая в разговоре с испаноязычной женщиной-европейкой отговорку Юми, даром что память её превратили в щербатую улыбку хоккеиста, средняя Судзуки доказала: любовь к близкому человеку способна творить невозможное и гораздо сильнее, чем какая-то там магия. В любых проявлениях: будь то недомогание, вызванное упадком сил из-за энергетического перенапряжения, или же мощнейшая ментальная атака, стирающая красную краску с имени Судзуки Сан на семейной могильной плите. А в том, что это именно любовь, девушка не сомневается, хотя ни разу не озвучивала этого танукиподобному адресату вслух.

- Вы вызвали Ичи-ро... да? В этом нет необхо-ди-мости, он же выхо... выходной, ему отдыхать нужно, я... я и сама прекрасно доберусь... - спешно забормотала Сора, тем не менее, понимая даже в состоянии изменённого сознания, что никуда она в одиночку не доберётся - если только до места, где полторы здоровые ноги отправят обессиленную и едва соображающую хозяйку знакомиться с асфальтом, что обязательно произойдёт уже в считанных метрах от выхода из ресторана. Признав правоту Фернандез-сама, хафу честно закончила, с некоторым удивлением обнаруживая, что оказалась на диване: - Скорее всего, до боль-ницы или того света. Вы... меня перенесли? Это я вам должна сказать ог-ром-ное спасибо. Вы добрый и душевный, сень-ор, но прячетесь от себя. И простите... не уволь-няй-те Мако-сэмпай, прошу, она ни в чём не виновата, правда.

Перед глазами постепенно очерчивалось лицо начальника, пока оставаясь немного размытым, как если бы официантка забыла надеть на работу контактные линзы - намного более практичные, чем очки. С трудом пошевелив извилинами и ориентировочно оценивая возможности ватных конечностей, Судзуки даже смогла неуверенным движением взяться за обеими руками за предложенную чашку, исходящую паром, и отпить пару небольших глотков горячего чая. Терпкий подслащенный напиток обжигал горло, но вместе с тем по капельке возвращал Сору в реальность, пусть и не мог мгновенно изгнать опьяняющую ша-ци, долю которой полукровка забрала у Морриса. В памяти были ещё свежи недавние странные ощущения; какой-то своей частью желающая их вернуть, а всеми остальными сосредоточенная на скорой встрече с Сакаи и том, чтобы не пролить чай на себя и

на диван, Сора ещё куда как далека от полноценного осознания мысли, мало-помалу формирующейся где-то на самых дальних окраинах мозга и выстраивающейся последовательной цепочкой. Тоже, кстати, задом наперёд.

"Моя Яри умела это делать".

"Не надо меня лечить. Я знаю, что вы пытались сделать".

Обречённый на ожидание внезапной смерти парень, свечкой сгоравший от известной хафу болезни, но теперь как ни в чём ни бывало строгающий мясо на двух кухнях - и сейчас, очевидно, либо быстро одевающийся, либо уже летящий в ресторан за своей... за кем?

Далёкий тибетский монастырь - Фернандез Яреци погибла именно там. А Сакаи вернулся оттуда исцелённым.

"Сессии безумия". Лечащий врач не видел яркого света. И Сэтоши тоже.

Старшая сестрёнка, дрожащая во сне. Приложи ладошку к покрытому испариной лбу - девочка обязательно немного расслабится, но в уголке глаза заблестит крошечная слезинка. А сама наутро будешь чувствовать себя так, словно уронила на себя шкаф, полный юмичкиных учебников, несколько раз подряд.

- Россия? Это особен-ная страна, у меня... мама там родилась. Мы тоже пили чай, она меня рисовать учила, когда я была маленькой. Не смогу так, чтобы на выставки, как... Яри, но... - против воли в глазах защипало: наверное, сразу и за Морриса, пережившего свою семью, включая некую Лауритту, и за себя. Несложно догадаться, кем она приходилась Фернандез-сама и его дочери, даже когда еле держишь чашку. *"Ты будешь жить, ты побьёшь все рекорды долголетия, проживёшь ещё и те годы, которые задолжала младшей сестре"*. Сора судорожно поджала губы, но справилась с собой, несколько раз моргнула и слабо улыбнулась - уже не дурацкой пластиковой улыбкой, но более чем понимающей. - Меня обере-гают мама с сестрой. А вас берегут Лау... ритта и Яри. Пожалуйста, сеньор, не усложняйте им задачу. Я точно знаю, я здесь, но тоже обязана беречь... И, вы не могли бы... пока не при-едет Ичи, посидеть со мной? Мне одной немножко страшно.
